

Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса

Роман Абрамов *

Евгений Терентьев **

Статья посвящена рассмотрению культуры памяти на примере топонимической политики. В первой части дается определение культуры памяти и характеризуется роль топонимики в коммеморации. Далее на примере Санкт-Петербург и Пензы показывается, как работают дискурсивные механизмы коллективной памяти в контексте различных видов топонимической политики. Вводится различие между двумя типами дискурсов: (1) дискурсом о переименовании и (2) дискурсом о возвращении исторических названий. Описываются ключевые особенности каждого из дискурсов, а также типичные способы их репрезентации, представленные в репертуаре участников дискуссий. Приводятся конкретные примеры, демонстрирующие суть предлагаемого различения.

Ключевые слова: культура памяти, топонимические практики, места памяти, критический дискурс-анализ, наследие

Культура памяти и топонимика

Распад СССР поставил на повестку дня вопрос о пересмотре советского наследия в различных сферах общественной жизни и катализировал активность социальных акторов и институций, репрезентирующих широкий спектр установок в отношении советского прошлого. В различных странах бывшего СССР происходят «войны памяти», где идет борьба за репрезентации исторического прошлого и их оценку и формирование новых практик коммеморации, в первую очередь в отношении советского прошлого, которое тем или иным образом приспособляется к целям и нуждам идеологического строительства новых национальных нарративов. Культура памяти¹ в государствах бывшего советского блока нередко работает независимо от профессиональной истории или использует историю лишь как повод для идеологических инвектив. С. Требст выделяет четыре типа культуры памяти, в той или иной степени описывающих способы переработки, освоения и присвоения коммунистического прошлого различными странами Восточной и Центральной Европы (Требст, 2011, с. 143–144). К первому типу относятся страны, считающие коммунистический режим политически, исторически и этнически чуждым их

* Абрамов Роман, кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. socioport@yandex.ru.

** Терентьев Евгений, аспирант факультета социальных наук НИУ ВШЭ. terentev.e@gmail.com.

¹ Согласно С. Требсту, «В своих публичных проявлениях, особенно в Восточной Европе, культура памяти и по сей день является, прежде всего, продуктом государственных усилий по внедрению в общественное сознание тех или иных символов». Подробнее об этом см.: Требст С. «Какой такой ковер?». Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 143–144.

«органичной версии» истории. Такими странами являются Эстония, Латвия, Литва, и по этому пути активно движется Украина после революции 2014 г. В странах второго типа, хотя и признается внешний и навязанный характер коммунистического режима, однако идут довольно активные дискуссии о характере советского прошлого в национальном контексте и степени соучастия населения и элит в строительстве режима. В какой-то степени к таким странам относится Польша и Чешская Республика. В третьем типе стран также не отрицается, что коммунизм пришел вместе с танками советских освободителей в конце Второй мировой войны и является чем-то внешним для этих стран, но, одновременно, существует распространенная точка зрения, что социалистический порядок во многом способствовал экономической и социальной модернизации этих государств, а поэтому мемориалы памяти жертв коммунистической диктатуры здесь выглядят скромно. Болгария, Румыния, Сербия относятся к этим группам стран. Наконец, в четвертой группе стран действующая политическая элита не просто вышла из советской номенклатуры, но нередко вполне четко и ясно дает понять, что она ощущает родовую связь с советскими порядками, признавая «ошибки», «перегибы», репрессии, но полагая, что советское прошлое насыщено светлыми тонами возрождения. Россия, Беларусь именно так формируют свою культуру памяти.

Впрочем, официальные практики коммеморации и народной памяти о прошлом не столь однозначны в российском и в белорусском контекстах. В России советский миф неоднороден и включает свои темные и светлые стороны: страшную гражданскую войну, означавшую распад старого многовекового уклада; сталинскую модернизацию, основанную на больших человеческих жертвах; победу в Великой Отечественной войне как безусловный подвиг народа; хрущевскую оттепель с ее странностями, но и огромными достижениями, главным из которых является полет Юрия Гагарина в космос; брежневский застой, где эстетика распада и болота сочетается с вечным покоем и уютом позднесоветского безвременья.

Кроме того, советская коллективная мифология активно конкурирует с мифом о Станом Порядке — великолепном и гармоничном устройстве Российской империи, которое было разрушено внешними врагами и инспирированными ими революционерами. Корни этой культуры памяти можно отыскать в советском кино семидесятых, где белое офицерство с его элегантностью и трагической судьбой изображалось не менее привлекательно, нежели красные командиры. Затем был фильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли» (1992 г.), ставший гимном Российской империи, и продукция массовой культуры в виде ретродетективов с их воспеванием удобной жизни периода Александра Третьего и Николая Второго. В канун столетия начала Первой мировой войны развернулась дискуссия о возвращении памяти о героях «забытой войны» в виде памятников, названий улиц и музейных экспозиций. Фактически на государственном уровне полную сложностей, противоречий, умолчаний и трагедий историю России стремятся превратить в непрерывное течение и развитие исторического процесса, сгладить конфликты и нестыковки, примирить тех, кто был по разные стороны прицелов в Гражданскую войну, обвинителей и жертв репрессий. Это всеобщее примирение и попытка выстроить здание национальной истории из неподходящих к другу элементов не только не снимает болевые точки коллективной памяти о прошлом, но превращает любое событие, касающееся коммеморации прошлого, в объект острых дискуссий, обращенных к актуальному политическому моменту.

Топонимика является важным элементом символического и исторического пространства и отражает идеологические аспекты коллективной памяти. Одной из наиболее резонансных тем стало обсуждение советского символического пространства и, в частности, коммеморативных топонимических ландшафтов как важнейших «мест памяти» (Нора, 1999; Йейтс, 1997), вписывающих советский политический дискурс в повседневные практики горожан. В российской истории наименования и переименования всегда рассматривались как выражение политической воли: в имперскую эпоху новым городам присваивались названия, тесно увязанные с именами монархов (Екатеринодар, Екатеринослав,

Петрозаводск и др.), в советскую эпоху политика наименований улиц, городов, географических точек, заводов и фабрик была декларируемой частью монументальной пропаганды, призванной погрузить жителя страны в тотальное пространство советской символики.

За редкими исключениями интерес к теме топонимии в России проявляли топонимисты и этнографы, работы которых касались этимологических и таксономических поисков. При этом за рамками рассмотрения оставались социальный контекст осуществления топонимических практик и их дискурсивное измерение. Попытки социокультурной проблематизации топонимической среды на постсоветском пространстве были произведены в работах В. Паперного (Паперный, 2006), М. Тимофеева (Тимофеев, 2012), А. Дахина (Дахин, 2006), А. Казакевича (Казакевич, 2011), Г. Гила (Gill, 2005), А. Марин (Marin, 2012), однако для этих работ характерен «структуралистский» взгляд на социальные аспекты городской топонимии, который не чувствителен к рассмотрению проблематичности различных моделей не только производства, но и восприятия топонимических ландшафтов.

Вместе с глубокими историческими и политическими переменами в 1990–2010 гг. дискуссии вокруг топонимической политики стали ареной политической и культурной борьбы, восходящей к обсуждению более широкого круга вопросов конструирования новой идентичности, коммеморации и исторической памяти². Особое внимание участники дискуссий уделяли судьбе топонимов, которые были утрачены в советское время, поскольку получили новые имена в советское время, и эти названия рассматривались как насыщенные утратившей силу идеологической символикой. Кроме того, мифология Старого Порядка (эпохи Российской Империи) нередко рассматривалась как необходимое возвращение к «настоящей» отечественной истории, прерванной кровавым «красным проектом». В этой логике возвращение старых названий укладывалось в стремление восстановить связь времен на основе обновленной культуры памяти. Одновременно присвоение новых названий улицам, площадям и объектам, появившимся в постсоветское время, также становится объектом острых дискуссий: должны ли это быть абстрактные названия, не отсылающие к историческому прошлому (так, в новых микрорайонах появляются улицы Радужная, Светлая³ и т. п.), нужно ли в топонимах увековечивать память местных известных людей или нужно обращаться к важным историческим событиям и знаменитостям национального масштаба. В целом культура памяти и топонимика — это неразрывно связанные друг с другом сферы, анализ которых позволяет сделать важные заключения о способах коммеморации и конкурирующих исторических мифологиях в современной России.

Характеристика кейсов и методологии

В рамках данной работы мы предлагаем обратиться к «неопрагматистскому» подходу к анализу топонимических практик, актуализирующему изучение различных моделей критики и обоснования суждений относительно возвращения дореволюционных названий городским территориальным единицам, представленному в репертуаре участников дискуссий. Объектами нашего анализа будут два кейса, отражающие перипетии топонимической политики в контексте культурной памяти. Первый кейс посвящен рассмотрению практики возвращения исторических названий улицам Санкт-Петербурга. Он основан на материале восемнадцати полуструктурированных интервью с экспертами, представителями городских властей и гражданскими активистами, занимающимися

² См., напр.: Рыжков А. 10 мифов о возвращении исторических названий. URL: <http://www.online812.ru/2013/01/25/005/> (дата обращения: 11.11.2014); Пресс-конференция «Возвращение исторических названий: всегда ли совпадает мнение специалистов и горожан?». URL: <http://www.greenlamp.spb.ru/2012/04/10/пресс-конференция-«возвращение-исто/> (дата обращения: 11.11.2014); Кулыбин М. Названия улиц Петербурга: вперед в прошлое. URL: <http://www.bn.ru/articles/2012/01/27/89501.html> (дата обращения: 11.11.2014).

³ Реальные названия улиц в новом районе Пензы, который получил название «Город-Спутник».

топонимическими вопросами в Санкт-Петербурге, которые были проведены в 2011–2014 гг. Второй кейс — это дискуссия, развернувшаяся в местных медиа и блогосфере, относительно вариантов названия нового географического объекта — площади, возникшей в центре Пензы между новыми комплексами филармонии и киноконцертного зала на месте снесенной одноэтажной застройки. В рамках исследования были проанализированы тематические публикации еженедельника «Улица Московская», областной газеты «Пензенская правда», сообщества пензенских блогеров⁴.

Методологическую основу произведенного анализа составила модель критического дискурс-анализа, предложенная австрийским социолингвистом Рут Водак (Водак, 2009; Тичер, Водак и др., 2009). В ее основе лежит выделение трех ключевых уровней анализа: (1) лингвистической реализации; (2) стратегий аргументации; (3) содержания. На первом уровне производится анализ типичных моделей говорения о том или ином предмете, в нашем случае — переименовании советских названий. На втором — анализируются различные способы построения аргументаций, представленные в репертуаре акторов, вовлеченных в рассматриваемые дискуссии. Наконец, на третьем уровне предметом рассмотрения становится тот смысл, который приобретают высказывания акторов в рамках конкретных практик артикуляции.

Санкт-Петербург: между советской историей и имперским прошлым

Санкт-Петербург как территория, географический объект и историческое пространство является сосредоточием нескольких символических кругов дискурса о прошлом, которые выражаются в социокультурных кодах «Имперской столицы», «Петербурга Достоевского», «Северной Пальмиры», «Петербурга Серебряного века», «Колыбели революции», «Блокадного Ленинграда» и т. д. (Волков, 2006). Все это выражалось в культурной памяти и способах работы с семиотикой петербургского пространства: в своем названии город прошел полный круг от Санкт-Петербурга к Петрограду и Ленинграду и затем снова вернулся к Санкт-Петербургу, оставшись, впрочем, в ленинградском областном кольце. Естественно, что городская топонимическая политика не могла остаться в стороне от изменяющихся политических и исторических условий: в 1990-е гг. Санкт-Петербург вместе со своим исходным названием повернулся от статуса центра русской революции к блестящему имперскому прошлому, что отразилось в борьбе за возвращение дореволюционных названий, где столкнулись многочисленные сторонники коммунистической идеи и те, кто считает расставание с советским прошлым необходимым этапом обновления страны. Предметом наиболее ожесточенных дискуссий стали топонимы, которые в Советское время были названы в честь известных революционеров и партийных функционеров.

В качестве примера можно привести несколько цитат из дискуссии о переименовании улицы в честь венгерского революционера Бела Куна, которая вызвала широкий общественный резонанс в Санкт-Петербурге в 2011–2014 гг. Инициатором дискуссии выступил ряд активистов общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград», имеющего монархическую направленность; активисты организовали ряд пикетов под общим лозунгом «Имя палача — с улицы в учебник!». В интервью один из организаторов пикетов обосновал необходимость переименования улицы через обвинение венгерского революционера в том, что он уничтожил «десятки тысяч русских людей»:

«Как мы можем прославлять палача Бела Куна, который... уничтожил, в том числе и лично, десятки тысяч русских людей» (активист общества «Петроград»).

Инициативу общества поддержал целый ряд организаций монархической и националистической направленности, таких как: общественное движение «Народный собор»,

⁴ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/> (дата обращения: 12.11.2014).

Петербургский монархический центр и Русское имперское движение. Ядро их аргументаций также составили обвинения Бела Куна в преступлениях, совершенных «против русского народа в Крыму». Основными противниками инициативы о переименовании выступили представители организаций левой политической ориентации, которые предложили альтернативную репутационную политику в отношении Бела Куна, основанную на признании его заслуг перед революцией.

На уровне лингвистической реализации характерной чертой этого дискурса является использование лингвистических конструкций с устойчивыми коннотациями и/или имеющими яркую эмоциональную окраску. В некоторых случаях используется обценная лексика. Возвращаясь к рассмотрению дискуссии о переименовании улицы Бела Куна в Санкт-Петербурге, можно перечислить ряд характеристик венгерского революционера, которые были активно представлены в публичном пространстве. Так, сторонники переименования говорили о Куне, как «душегубе», «антихристе», «кровавом палаче», «террористе» и т. д. Противники же, напротив, использовали конструкции с положительными коннотациями, такие как «герой» и «титан».

На уровне стратегий аргументации дискурс о переименовании характеризуется использованием различных способов обоснования репутационных политик. Так, сторонники переименования часто обращаются к легитимации оценок деятельности тех или иных исторических фигур через отсылку к нормам законодательства, в соответствии с которыми эта деятельность должна квалифицироваться как преступная. Ярким примером такой стратегии является следующая цитата из интервью с активистом фонда «Возвращение» — общественно-политической организации, занимающейся возвращением памятников, утраченных в советское время:

«По ряду людей уже дана юридическая оценка. Просто она дана не поименно, она дана в виде квалификации действий этих людей. Привожу примеры: закон 91-го года о жертвах политических репрессий. Обязательно прочтите преамбулу к этому закону. Суть этой преамбулы, что все, что связано с политическими репрессиями — это плохо. Что нужно устранять любые последствия политических репрессий, насколько это возможно. Одно из этих последствий — это прославление тех, кто эти репрессии организовывал» (активист фонда «Возвращение»).

В противовес этому сторонники сохранения советских названий указывают на невозможность использования этих норм применительно к большинству деятелей советской эпохи. Так, тот же Бела Кун «выводится из-под ответственности» через указание на факт того, что его деятельность осуществлялась во времена гражданской войны, когда жестокость являлась нормой, и судить его по законам мирного времени является неправомерным.

Резюмируя, можно констатировать, что дискурс о переименовании является ареной политической борьбы, которая происходит в форме конкуренции за навязывание различных исторических и репутационных политик. Участники дискуссий, представляющие различные части политического спектра, в рамках обсуждений пытаются легитимировать и генерализировать собственную перспективу, используя свое институциональное положение и нарративные способности.

Принципом эквиваленции дискурса о возвращении исторических названий является такой способ рассмотрения топонимов, когда они принимают значение историко-культурных памятников, и обсуждение их коммеморативных составляющих остается за границами дискуссии. Для двух дискурсов характерны различные способы концептуализации топонимов: если дискурс о переименовании ориентирован на понимание названий как инструмента пропаганды, то дискурс о возвращении исторических названий рассматривает топонимы как элементы городского наследия. Смысл этого различия отчетливо демонстрирует следующая цитата из интервью с одним из членов Санкт-Петербургской межведомственной комиссии по наименованиям (Топонимической комиссии):

«Вопросы топонимики суть вопросы культуры, а не политики. К сожалению, весь XX век нас приучали к обратному, а краткий момент истины — возвращение названий

1944 года — не укладывается в сложившийся стереотип «топонимика служанка политики», а поэтому игнорируется» (член Санкт-Петербургской Топонимической комиссии).

В отличие от дискурса о переименовании, основными участниками обсуждений в рамках этого дискурса становятся не политические, а градозащитные организации, которые указывают на особую функцию топонимии в общей структуре городской среды.

В рамках этого дискурса конструируется различие между двумя типами вопросов о переименовании: первый — это вопросы о возвращении исторических названий, второй — собственно вопросы о переименовании. Это различие проявляется как на уровне лингвистической реализации, так и на уровне содержания. Использование самой конструкции «возвращение исторических названий», во-первых, позволяет маркировать некоторые переименования как легитимные (возвращение исторических названий), а другие — как нелегитимные (переименование). Во-вторых, позволяет уйти от политической риторики в сторону обсуждения историко-культурной значимости названий, которая воспринимается как «свободная от оценок». Суть этого различия наглядно демонстрирует представленная ниже цитата с одним из информантов:

«Переименование и возвращение — это не синонимы. Когда мы говорим о возвращении, мы говорим об исправлении ошибки, связанной с неправильным переименованием. Возвращение — это антипереименование, контрпереименование. Это борьба с переименованиями» (активист фонда «Возвращение»).

Как и дискурс о переименовании, этот дискурс становится ареной борьбы между акторами, репрезентирующими различные установки в отношении вопросов возвращения дореволюционных названий. Однако, в отличие от дискурса о переименовании, камнем преткновения в данном случае становятся не исторические и репутационные политики, а политики определения исторической ценности названий, которые, в конечном счете, отсылают к различным политикам историко-культурного наследия. Само понятие «наследия», наряду с «исторической ценностью», является одной из ключевых точек этого дискурса.

Два полюса, фиксирующие границы вариативности политик историко-культурного наследия, соотносятся с двумя крайними моделями определения исторической ценности. В соответствии с первой наиболее ценными признаются все первоначальные названия, в соответствии со второй — все названия, существующие на сегодняшний момент. В основе первой модели лежит так называемый принцип «авторских прав», в основе второй — релятивизация любых оценок через постулирование историчности всех названий. Стоит отметить, что обе эти модели являются непопулярными и редко встречаются в публичном пространстве. Однако широкое распространение имеет другая, в значительной степени радикальная политика, в соответствии с которой всем топонимам, которые были переименованы в советское время, должны быть возвращены названия, существовавшие на момент революции. Здесь важно сделать отступление и пояснить, что такая политика не равносильна политике возвращения всех первоначальных названий, так как к 1917 г. многие объекты переименованы, и неоднократно. Особенности выбора даты в большинстве случаев обосновывают тем, что в 1917 г. была нарушена преемственность и органичность развития топонимической среды, которая должна быть восстановлена за счет возвращения названий. По сути, этот аргумент укладывается в теорию «цивилизационного разрыва». Акт возвращения исторического названия рассматривается и как уход от идеологической модели использования топонимии, и как символ преодоления этого исторического разрыва:

«Должны быть возвращены все абсолютно без исключения исторические названия по состоянию на 1917 год... Потому что именно в этом году сломалась преемственность развития городской топонимики. Начали насаждаться новые, совершенно противоречащие нормам русского языка стандарты... Кроме того, началась жесткая идеологизация» (активист градозащитной организации «Группа ЭРА»).

Такая политика часто обвиняется в предвзятости и радикализме и маргинализируется в рамках дискурса о возвращении исторических названий. Так, некоторые активисты указывают на то, что в качестве генерализирующего принципа определения

исторической ценности должен лежать принцип уникальности, подразумевающий индивидуальный подход к анализу каждого отдельного случая, а не «слепой» подход, основанный на возвращении всех названий на определенную дату.

«Слепое следование тому, что надо переименовать все по состоянию на 1917 год — на мой взгляд, неправильно. Вот мы сейчас сидим на Суворовском проспекте. Это название появилось только в 1900 году. До этого это была Слоновая улица. Потому что был некогда зверинец в районе гостиницы «Октябрьская», который назывался «Слоновник». Почему бы это название не вернуть? Оно, действительно, уникальное» (активист движения «Живой город»).

В рамках подобного «гибкого» подхода к определению исторической ценности также встречаются различные, и часто противоположные позиции. В качестве примера можно привести несколько мнений относительно определения историчности названия Рождественских улиц, которые в советское время были переименованы в Советские. Так, одним из важных аргументов сторонников возвращения названий является указание на то, что это название позволяет сохранить память об утерянном в советское время памятнике архитектуре — Рождественском соборе, по которому были даны названия улиц.

«Рождественской церкви уже нет, поэтому возвращение названия Рождественским улицам является особенно важным для сохранения памяти о тех исторических объектах, которые были утеряны. Пусть эта память сохранится хотя бы в названиях» (представитель Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры).

Противоположную точку зрения озвучивает другой информант, полагающий, что отсутствие церкви, по имени которой дано название, указывает на нецелесообразность возвращения этого названия:

«Я считаю, что возвращать абсолютно все старые названия нецелесообразно. Особенно в случаях, когда объекты, по которым они были даны, больше не существуют. В частности, я не считаю важным возвращение названий Советским улицам. Рождественской церкви больше нет, да и само название Рождественские какое-то безликое. Огромное количество Рождественских улиц мы можем найти в большинстве городов России» (активист общественного движения «Живой город», Санкт-Петербург).

На уровне лингвистической реализации для этого дискурса, в отличие от дискурса о переименовании, характерно отсутствие оценочных конструкций и создание максимального эффекта объективности тех или иных позиций. На уровне стратегий аргументации эффект объективности достигается за счет всяческого подчеркивания «внеидеологичности» исторических оценок, которое производится за счет конструирования различия между возвращением и переименованием, постулированием историко-культурной, а не политической значимости названий. При этом дискуссионный и противоречивый характер предлагаемых политик определения исторической ценности названий приводит к формированию различных образов или мифов о городе и его историко-культурном наследии. В одном случае выстраивание хронологических границ (Marin, 2012) приводит к (вос)производству мифа о Санкт-Петербурге — имперской столице России, в другом — о городе-герое Ленинграде, колыбели трех революций, в-третьем — о Санкт-Петербурге, окне в Европу и т. д.

Результаты проведенного исследования позволяют выделить два основанных порядка ведения дискуссий о возвращении дореволюционных названий, для обозначения которых мы используем понятия: (1) дискурса о переименовании и (2) дискурса о возвращении исторических названий. Понятие «дискурс» в данном случае используется не как синоним конкретной практики артикуляции, репрезентирующий определенный способ говорения о топонимических вопросах, а как пространство для критики и обоснования суждений по топонимическим вопросам. Здесь мы отсылаем к концепции «градов» французских социологов Л. Болтански и Л. Тевено (Болтански, Тевено, 2013), в основе которой лежит такой принцип анализа дискуссий, когда как критика, так и обоснование определенного социального порядка рассматриваются с помощью одних и тех же

инструментов (Болтански, Тевено, 2000). Обобщение различных моделей рассмотрения в один «град», или дискурс, производится через установление определенного принципа эквиваленции между элементами дискурса, являющегося для него конституирующим.

Принципом эквиваленции дискурса о переименовании является такой способ рассмотрения названий, когда в фокус рассмотрения попадают не сами названия, а их коммеморативные составляющие. Соответственно, критика и обоснование суждений в рамках этого дискурса касается оценки этих составляющих и производится в рамках определенных политических ориентаций. Примером артикуляции принципов этого дискурса является такая модель обсуждения вопросов о переименовании, когда производится обвинение людей, в честь которых названы улицы, в недостойности, а в крайних случаях — и преступности. Наибольшее внимание традиционно привлекают улицы, названные в честь вождей (в первую очередь Ленина), а также видных партийных деятелей, таких как Дзержинский, Володарский, Орджоникидзе и др., имена которых в большом количестве представлены в российских городах. Соответственно, топонимы становятся аренами борьбы между акторами, репрезентирующими различные политики памяти в отношении указанных исторических фигур, и их можно рассматривать в качестве «репутационных антрепренеров», деятельность которых направлена на (вос) производство определенных репутационных политик (Fine, 1996).

Пенза: Губернаторская площадь или Площадь Мариенгофа?

Пенза — областной центр на Приволжской возвышенности в Центральной России, не может похвастаться столь же развитой историко-культурной мифологией, как Санкт-Петербург. Между тем город был основан раньше северной столицы — в 1663 г., и в течение XIX в. был губернским дворянским гнездом, а после Второй мировой войны пережил активный период урбанизации и индустриализации. Еще до революции город стал искать свою идентичность и среди прочего обрел ее в мифологии «культурной провинции» — колыбели русской литературы и науки, откуда вышли многие известные и знаменитые литераторы, историки, деятели культуры. Действительно, к Пензе и находящимся под ее юрисдикцией небольшим поселкам и городам в разные годы имели отношение А. Н. Радищев, Д. В. Давыдов, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, В. О. Ключевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. И. Куприн, К. А. Савицкий, И. И. Мозжухин, В. Э. Мейерхольд, А. Б. Мариенгоф, А. В. Лентулов и др. Иными словами, для выстраивания мифологии «культурной провинции» были хорошие исходные условия, которые были активно использованы в послевоенный период при формировании мест памяти в городе и области (дома-музеи, названия улиц, Литературный музей и т. п.) и до сих пор активно используются в контексте развития «бренда» Пензы и области: в последние годы в городе организуются театральные фестивали и кинофестиваль «Мужская роль» им. И. Мозжухина. Дискурс «культурной провинции» активно поддерживается местной интеллигенцией и региональной властью.

Как и любой другой средний российский город с дореволюционным прошлым, Пенза прошла через циклы переименований. Дворянская улица стала Красной, и подобная смена цвета произошла со многими улицами старого города: Поповка обратилась в Боевую, а затем в Ключевского, Троицкая — в Кирова, Никольская — в Маркса и т. д. (Годин, 1983). В 1970–80-х гг. город сильно вырос, и в новых районах появились проспекты Победы, Строителей, а также целый ряд улиц, названных в честь городов — Одесская, Минская, Тернопольская; композиторов — Рахманинова, Бородина, Мусоргского. Период девелоперского бума в Пензе двухтысячны⁵ привел к появлению новых кварталов,

⁵ Анализ последствий девелоперского бума двухтысячных сделан в статье: Абрамов Р. Пенза — машина девелоперского роста? // Улица Московская. Еженедельная газета. 2014. 11 августа. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225 (дата обращения: 12.11.2014).

которым также нужно было давать названия. Общих принципов топонимической политики не существовало: некоторое внимание уделялось известным землякам, памятным датам, или появлялись нейтральные названия, подобные улицам Лунной или Звездной. Порой появлялись улицы с трудновыговариваемыми названиями, как, например, улица Шестидесятипятилетия Победы.

В 2013 г. Пенза праздновала 350-летний юбилей, к которому были возведены новые объекты социальной и культурной инфраструктуры: главной здесь стала новая большая площадь с Пензенской филармонией и киноконцертным залом «Пенза». Открытие этого комплекса прошло с большой помпой, и было призвано укрепить образ города как важного культурного центра Поволжья. Однако до настоящего времени постоянного названия новой площади, которая символизировала модернизацию городской жизни, не найдено. По поводу названия площади в местных органах власти и медиа развернулась большая дискуссия, которая позволяет обнаружить различные аспекты производства культуры памяти, а также — аргументацию, которая используется при реализации топонимической политики.

Широкая общественная дискуссия о названии новой площади началась в сентябре 2014 г. на круглом столе Пензенской книжной ярмарки по инициативе нового мэра города Юрия Кривога, который связал топонимику с сохранением культурного наследия и солидарностью горожан: *«В городе появился новый объект, а городская топонимика должна решать многие задачи и быть историей, вокруг которой можно объединяться»* (Беляков, 2014).

Другими участниками круглого стола были архитекторы, разрабатывавшие проект площади, и известные российские писатели Захар Прилепин и Леонид Юзефович. Круглому столу предшествовало онлайн-голосование на сайте администрации Пензы с различными вариантами названия площади и обращение Захара Прилепина к главе города с просьбой назвать это городское пространство в честь близкого друга Сергея Есенина, одного из основателей имажинизма и автора романа «Циники» А. Б. Мариенгофа:

«Назвать площадь именем поэта, красавца, остроумного человека, денди и уникального прозаика — это стильно. Площадь Мариенгофа — звучит. Там стихи будут читать. Там будут целоваться влюбленные пары. А на губернаторской площади целоваться не хочется и стихи читать тоже не тянет» (Обращение Захара Прилепина..., 2014).

Среди других вариантов названия, предложенных к голосованию, была Губернаторская площадь, площадь Лидии Руслановой, Площадь Искусств, площадь Владимира Татлина и др. (Ивойлова, 2014). Отстаивая свою точку зрения на название этой площади, Захар Прилепин апеллировал не только к географической связи между биографией Мариенгофа и Пензой, где тот провел свое детство и юность, но обращался к граду вдохновения, в терминологию Л. Болтански и Л. Тевено, поскольку считал важным присвоить имя площади романтическому и стильному персонажу, чья активность вдохновляет на творчество. Свое предложение о данном наименовании новой пензенской площади Захар Прилепин подкрепил тем, что собрал подписи известных российских деятелей искусства и культуры в пользу этого предложения. Собственную заинтересованность писатель объяснил интересом к фигуре А. Б. Мариенгофа и участием в подготовке к изданию собрания сочинений известного имажиниста (Захар Прилепин за широту..., 2014).

Вполне возможно, что если бы не участие Захара Прилепина в истории с названием новой пензенской площади, то сама дискуссия о ее наименовании и соответствующее интернет-голосование не привлекли бы столь пристального внимания региональных СМИ и широкой общественности. Фактически известный российский писатель актуализировал тему топонимической политики в контексте городской культуры памяти и меморации, что нашло отражение в заявлениях местной прессы и пензенской интеллигенции. Анализ этих заявлений показывает, что идея присвоения новой площади имени Мариенгофа не находит сторонников среди пензенцев. Противники такого названия приводят аргументацию различного порядка.

Присутствовавший на сентябрьском круглом столе российский писатель Леонид Юзефович возражает против такого увековечивания имени Мариенгофа, поскольку считает данного литератора не совсем подходящей фигурой для того, чтобы в его честь была названа крупная площадь:

«Но я думаю, что для такой большой площади имя Мариенгофа все-таки не подходит. Все-таки площадей в каждом городе немного. И они носят названия, организующие общественную жизнь. Нельзя общественную жизнь Пензы организовать вокруг Мариенгофа. Но улицы он, конечно же, достоин. Мариенгоф — действительно замечательный писатель, действительно неограниченный» (Леонид Юзефович..., 2014).

Трудно сказать, что имел в виду Леонид Юзефович, но другие участники дискуссии более четко сформулировали свои претензии к Мариенгофу как литератору, чьим именем может быть названа площадь. Например, пензенская журналистка Екатерина Куприянова полагает, что в писательской иерархии Мариенгоф занимает недостаточно высокое место, его произведения слабо известны широкой публике, а поэтому новая крупная площадь в центре города «переоценивает» значение этого автора для культурной истории города. Журналистка сомневается и в личных качествах имажиниста:

«Творчество Анатолия Мариенгофа переоценивать не стоит. При жизни он находился в тени более значимых современников. В настоящее время его творчество представляет интерес в основном для специалистов-литературоведов. Личность его также неоднозначна. В частности, воспоминания Мариенгофа о Есенине некоторые трактуют как желание примазаться к чужой славе. В ряду действительно великих литераторов, связанных с Пензой: Лермонтов, Белинский, Салтыков-Щедрин, Лесков, Куприн и др. — фигура Мариенгофа явно не того масштаба, чтобы давать его имя целой площади» (Куприянова, 2014).

Любопытно, что пензенская журналистка в своих рассуждениях воспроизводит советский литературоведческий дискурс о «классиках» и «писателях второго ряда», считая, что только «великие писатели», вошедшие в классический пантеон, могут рассчитывать на увековечивание своей памяти в виде названия площади в российском областном центре. Тут ее невольно поддерживает и мэтр города Юрий Кривов, полагая, что Мариенгоф — «не герой этого места» (Кривов и БК..., 2014).

Еще более жестко в адрес Мариенгофа, который не достоин быть увековеченным в названии городской площади, высказался пензенский краевед Игорь Шишкин, назвавший наследие имажиниста «посредственным» и слабо востребованным, отреагировав, таким образом, на коллективное обращение, инициированное Захаром Прилепиным:

«Но уж точно не Мариенгоф. И стихи не входят «во все хрестоматии». И «виднейшим драматургом, чьи пьесы шли во многих театрах СССР и идут по сей день» он никогда не считался... И всего две его пьесы, «безусловные шедевры», (это опять цитата!) — «Шут Балакирев» и «Рождение поэта» (о Лермонтове) были признаны посредственными и никогда нигде не шли ни в одном театре страны! А изданы они были всего раз, в 1959 г., малым тиражом» (Шишкин, 2014).

Фактически этот тип аргументации противников присвоения пензенской площади имени Мариенгофа сводится к отсылке к некоему универсальному литературному таблою о рангах, в котором однажды и навсегда распределены писательские позиции и выстроены иерархии символической власти. В этих иерархиях Мариенгоф занимает отнюдь не генеральскую должность, а поэтому, несмотря на его тесную связь с Пензой, он не может претендовать на то, чтобы в его честь был назван столь большой и важный для города объект — новая центральная площадь. Никто из противников не отрицает необходимости увековечивания имени в городской топонимике, но они полагают, что для литератора столь невысокого ранга вполне сойдет и какая-нибудь небольшая улица на окраине. То есть культура памяти в топонимическом контексте имеет свои материальные и пространственные измерения: важно не только увековечивание чьего-то имени, но не менее важна некая буквальная соразмерность этого объекта (улицы, площади) вкладу личности в отечественную историю, литературу, искусство, науку. Другим

аналитическим заключением является преемственность этой части дискурса противников наименования площади в честь Мариенгофа краеведческим представлением о Пензе как важном провинциальном культурном центре, на карте которого не всякому найдется место, но только авторам «шедевров» и тем, кто включен в «школьные хрестоматии».

Любопытно, что актуализация дискурса топонимической политики среди пензенского экспертного сообщества была подстегнута тем, что пензенской топонимикой занялся чужак, пришлый, маргинал, чья избыточность участия в жизни сообщества, в терминологии Г. Зиммеля (Simmel, 1992; 1989; Баньковская, 2002), провоцируют сообщество на противодействие и отрицание позиции чужака. Во взаимодействии с пензенской интеллигенцией Захар Прилепин нарушил важный принцип чужака — невовлеченность, сохранение дистанции и исполнение типичной роли приезжего интеллектуала, находящегося на перекрестке культур, но не вмешивающегося во внутреннюю жизнь сообщества. Российский писатель перешел эту границу, заявив свои права на культурное пространство Пензы, нарушив, таким образом, молчаливое правило — пришедшая знаменитость может восхищаться или критиковать место обитания сообщества, но не может вмешиваться в его жизнь. Своим заявлением и открытым письмом в поддержку присвоения площади имени Мариенгофа Захар Прилепин не только сломал привычные ритуалы культурного обмена по линии провинция-столица, но и вторгся в поле компетенции локальных интеллектуалов, вольно или невольно обозначив мировоззренческий кризис сообщества, о котором писал А. Шюц: «поэтому чужак — нередко со скорбной пронизательностью — замечает назревание кризиса, способного пошатнуть самые основы «относительно естественного мировоззрения», в то время как все эти симптомы остаются не замеченными для членов мы-группы, полагающихся на незыблемость своего привычного образа жизни» (Шюц, 2004, с. 546–547). Именно поэтому инициатива Прилепина и других подписантов в поддержку увековечивания имени Мариенгофа была встречена критически и с недоверием: авторов инициативы называли «варягами», вспоминали, что кое-кто из них не живет в России, а Прилепина подозревали в саморекламе. Сам Захар Прилепин решил вернуть ситуацию в привычное русло, и в своем выступлении в Пензе сказал, что письмо — это его частная инициатива, в которой нет «административного ресурса» (Захар Прилепин за широту..., 2014). Иначе говоря, сложившийся фрейм взаимодействия столичных чужаков и провинциального культурного сообщества был восстановлен: одни привычно демонстрируют себя, не вмешиваясь в местные дела, а другие привычно рукоплещут или критикуют. Между тем вопрос о том, уместно ли жителю Вологды думать о защите культурного наследия Владивостока или жителю Санкт-Петербурга о наименовании улицы в Пензе, остается открытым...

И если на уровне региональных СМИ и общения местной интеллигенции аргументация против присвоения площади имени Мариенгофа строилась на констатации незначительности вклада имажиниста в российскую культуру, то в блогосфере эту идею критиковали еще более бескомпромиссно. Блогер srrp2010⁶ в самом читаемом пензенском сообществе блогеров penza_ru⁷ дважды инициировал обсуждение возможного присвоения имени Мариенгофа пензенской площади. В конце сентября 2014 г. srrp2010 сделал пост об онлайн-опросе другого блогера⁸ относительно Мариенгофа, названного «малоизвестным персонажем»⁹, — то есть недостойным того, чтобы его именем назвали городскую площадь. Спустя несколько дней srrp2010 снова обратился к теме названия площади и в ироническом ключе предложил назвать её Гюго, в том числе по причине

⁶ «Собрание разностей» — профайл блогера сообщества «Наш город — Пенза!». URL: <http://srrp2010.livejournal.com/> (дата обращения: 14.11.2014).

⁷ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/> (дата обращения: 14.11.2014).

⁸ Single Notas — профайл блогера сообщества «Наш город — Пенза!». URL: <http://sedov-05.livejournal.com/> (дата обращения: 14.11.2014).

⁹ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/721714.html> (дата обращения: 14.11.2014).

того, что он «нерусский»¹⁰. Нужно сказать, что в ряде негативных комментариев в отношении идеи наименования площади в честь Мариенгофа авторы обращали внимание на «нерусское происхождение» известного имажиниста: «Нашли единственную нерусскую фамилию из деятелей искусств, какое-то отношение имевших к Пензе и радуются. Вот в чем соль»¹¹. Таким образом, Мариенгоф оказался неподходящим персонажем для названия городской площади еще и из-за своей этнической принадлежности...

А были ли, кроме Захара Прилепина, сторонники присвоения площади имени Мариенгофа? Анализ доступных источников показал, что единственным представителем пензенской интеллигенции, выступившим в поддержку этой идеи, стал Юрий Рева, который считает, что место Мариенгофа в культурной истории Пензы недооценено, а сам автор романа «Циники» заслуживает достойного увековечивания в городской топонимике:

«В этот период [период жизни в Пензе. — Прим. Авт.] он здесь сформировался как личность, написал и опубликовал свои первые произведения, позднее он напишет «Имажинизм родился в Пензе на Казанской улице»... В своих произведениях Мариенгоф талантливо запечатлел образ Пензы начала XX в. Вы много можете вспомнить изданных миллионными тиражами произведений, где запечатлена Пенза начала XX в.» (Рева, 2014).

Любопытно, что свою аргументацию Ю. Рева строит, обращаясь к локальной идентичности Мариенгофа как земляка, много сделавшего для литературного изображения пензенской жизни. Биографическая связь Мариенгофа с Пензой как бы компенсирует и его недостаточный вес в воображаемой писательской иерархии, и, возможно, оправдывает «нерусскую» фамилию. Автор этой ремарки предлагает завершить круг реципрокного обмена — в ответ на дар Мариенгофа Пензе, от Пензы сделать дар Мариенгофу в виде площади его имени. Так культура памяти невольно превращается в политэкономия памяти, где ведется сложный торг с историческим прошлым, материальным настоящим и политическим актуальным. Акторами здесь становятся не только люди, но и физические пространства, идеологии и символические иерархии. Топонимика же — это инструмент и материал, из которого возводится здание коллективной памяти.

Литература

Абрамов Р. Пенза — машина девелоперского роста? // Улица Московская. Еженедельная газета. 2014. 11 августа. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1314:penza-mashina-developerskogo-rosta&Itemid=225 (дата обращения: 12.11.2014).

Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.

Беляков В. В Пензе обсудили варианты названия площади у здания новой филармонии // PRAVDA-NEW.ru. 2014. 27 сентября. URL: <http://www.pravda-news.ru/topic/54498.html> (дата обращения: 13.11.2014).

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии городов. М.: НЛО, 2013.

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.

Водак Р. Язык, дискурс, политика. Волгоград: Перемена, 1997.

Волков С. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М.: Эксмо, 2007.

Годин В. С. Улицы Пензы. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1983.

Дахин А. В. Город как место памятования // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. 2006. № 4. С. 164–179.

Захар Прилепин за широту взглядов // Улица Московская. 2014. 4 октября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1396:zaxhar-prilepin-za-shirotu-vzglyadov&Itemid=278 (дата обращения: 13.11.2014).

¹⁰ Сообщество «Наш город — Пенза!». URL: <http://penza-ru.livejournal.com/722312.html#comments> (дата обращения: 14.11.2014).

¹¹ Single Notas — профайл блогера сообщества «Наш город — Пенза!». URL: <http://sedov-05.livejournal.com/2744779.html> (дата обращения: 14.11.2014).

Ивойлова Я. Виторган, Меньшова и Тодоровский — за присвоение имени Мариенгофа площади у ККЗ «Пенза» // PRAVDA-NEW.ru. 2014. 16 сентября. URL: <http://www.pravda-news.ru/topic/54230.html> (дата обращения: 13.11.2014).

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997.

Казакевич А. Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. 2011. № 6. С. 10–16.

Кривов и БК: начало диалога // Улица Московская. 2014. 20 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1368: [krivov-i-bk-nachalo-dialoga&Itemid=231](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1368) (дата обращения: 13.11.2014).

Куприянова Е. Как назвать новую площадь? // Улица Московская. 2014. 20 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1369: [kak-nazvat-novuyu-ploshchad&Itemid=252](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1369) (дата обращения: 13.11.2014).

Леонид Юзефович о частностях в истории // Улица Московская. 2014. 4 октября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1395: [leonid-yuzefovich-o-chastnostyakh-v-istorii&Itemid=278](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1395) (дата обращения: 13.11.2014).

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Обращение Захара Прилепина к читателям по поводу возможного появления площади Мариенгофа в Пензе // Официальный сайт Захара Прилепина. 2014. 14 сентября. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/novosti/2014/9/12141940.html> (дата обращения: 13.11.2014).

Паперный В. Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Рева Ю. Мариенгоф — наш человек, пензяк с большой буквы // Улица Московская. 2014. 27 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1375: [mariengof-nash-chelovek-penzyak-s-bolshoj-bukvy&Itemid=261](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1375) (дата обращения: 14.11.2014).

Тимофеев М. Бес/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 4–18.

Тичер С., Водак Р. и др. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

Требст С. «Какой такой ковер?». Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 142–181.

Шишкин И. О площади моего города // Улица Московская. 2014. 27 сентября. URL: http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1376: [o-ploshchadi-moego-goroda&Itemid=261](http://www.ym-penza.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1376) (дата обращения: 13.11.2014).

Шюц А. Чужак. Социально-психологический очерк // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 546–547.

Fine G. A. Reputational Entrepreneurs and the Memory of Incompetence: Melting Supporters, Partisan Warriors, and Images of President Harding // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 101. P. 1159–1193.

Gill G. Changing Symbols: the Renovation of Moscow Place Names // The Russian Review. 2005. Vol. 64. № 3. P. 480–503.

Marin A. Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg // Geopolitics. 2012. Vol. 17. № 1. P. 192–216.

Simmel G. Philosophie des Geldes / Hrsg. D. P. Frisby, K. Ch. Koehnke. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989.

Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / Hrsg. O. Rammstedt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.